

УДК 341.211
ББК 67.400.531

ИМПЕРИЯ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Н.И. Грачев

В статье обосновывается актуальность проблематики империи в контексте тенденций мирового развития, связанных с процессами глобализации. Делается попытка выявить и раскрыть содержание основных государственно-правовых признаков империи как особой формы государства и дать ее определение.

Ключевые слова: империя, государство, суверенитет, локальная цивилизация, верховная власть, нация, авторитет.

В настоящее время мировое сообщество переживает глубокий системный кризис, одним из серьезных проявлений которого является упадок национально-территориальной государственности, выступавшей в течение последних четырех столетий основной политической формой существования наций и народов. Основопологающим фактором, разрушающим национальную государственность, выступают процессы глобализации, которые размывают государственный суверенитет. Современные государства утрачивают монополию на применение легитимного физического насилия и уже не могут претендовать на абсолютное верховенство в пределах своей территории. Одни из них расплачиваются за попытку его удержания военными поражениями и гибелью своих руководителей (Сербия, Ирак, Ливия). Другие – даже не решаются на такую попытку, послушно уступая это право более могущественным державам. Третьи – не до конца осознавая динамику развития, постепенно втягиваются в сферу экономического и политического влияния единственной на сегодняшний день супердержавы – США.

Процессы трансформации современной государственности, к сожалению, далеко не в полной мере осмысливаются российской по-

литико-правовой наукой. Если более или менее удачные попытки анализа сложившегося состояния современной государственности встречаются в отечественной юриспруденции, то с выявлением закономерностей и тенденций развития дело обстоит совершенно неудовлетворительно.

Одной из основных причин такого положения является определенный застой в отечественной теории государства, которая сформировалась под сильнейшим воздействием западноевропейской юридической идеологии (в ее либеральной и марксистской версиях), что привело к неоправданному сужению самого понятия государства и фактическому отрицанию некоторых его форм. Типичным примером в этом контексте является почти полное игнорирование российскими теоретиками концепта империи как особой самостоятельной формы государства. Ни в одном из учебников по теории государства и права для студентов-первокурсников или по проблемам теории государства и права для учащихся выпускных курсов, допущенных Министерством образования и науки РФ для обучения студентов по специальности «Юриспруденция», нет не то что главы или параграфа, но даже самого упоминания об имперской государственности.

Между тем, тезис о том, что империи существовали всегда [3, с. 3], не является таким уж большим преувеличением. Уже самые ранние протогосударственные образова-

ния содержали в себе тенденции к формированию имперской формы организации. Объясняется это тем, что любое архаическое общество с аграрным типом экономики могло нормально развиваться только экстенсивным путем – через захват или приращение пространства, сырья и рабочей силы [19, с. 49, 56, 58, 65].

Потестарные образования представляли собой насильственные или (и) добровольные объединения нескольких общин (их поселений или групп) вокруг одного крупного центра, соподчиняясь в иерархию в зависимости от близости к центральной власти (вождю или монарху), имея, как минимум, три территориальных уровня власти. Первый, представляющий собой государственный центр, являл собой полностью самостоятельную властную институцию, оторвавшуюся от родов, кланов, общин, и был занят самодовлеющей властно-организационной (политической) деятельностью. Второй – включал в себя администрацию областей, которые возглавлялись главами подчиненных родов и общин, во многом воспроизводя общегосударственные функции на этом уровне, но обладая определенной степенью автономии от центра, включая военную и религиозную. Третий – общинная администрация – был неразделим с традиционным общинным самоуправлением и осуществлял решения вышестоящих звеньев власти и управления [4, с. 24–29; 15, с. 32–35]. В таком государственном строении присутствуют и сочетаются элементы унитаризма, федерализма и местного самоуправления, что во многом было вызвано неразвитостью экономической жизни, информационных и транспортных коммуникаций.

Это каким-то образом объясняет, почему первые государства, оставившие значительный след в истории, возникали, по меркам своего времени, именно как империи. С развитием и усложнением этно-территориальной системы государства происходит разделение властвующего центра и периферии, что и ведет к возникновению имперских принципов организации.

Хеттское царство XIV–XIII вв. до н. э., являющееся соперником Египетского царства; сам Древний Египет с момента объединения нижнего и верхнего течения дельты

Нила (Севера и Юга) около 3000 г. до н. э. фараоном Миной; Ассирийская империя, существовавшая около 1000 лет с XVII в. до н. э. до ее уничтожения около 609 г. до н. э. Мидией и Вавилонией, считающаяся многими учеными первой настоящей империей в истории человечества; само Вавилонское царство первой династии, названной по имени царя Хаммурапи, объединившего всю территорию Междуречья (XVIII–XVI вв. до н. э.); Нововавилонское царство (626–539 гг. до н. э.); пришедшая ему на смену персидская империя Ахеменидов; империи Цинь и Хань в древнем Китае; империя Маурьев в Индии; держава Александра Македонского; Римская и Византийская империи; Арабский халифат; Империя Карла Великого; Священная Римская империя германской нации; Монгольская империя Чингиз-хана и его наследников; империи инков и ацтеков в Америке – вот далеко не полный перечень наиболее известных государств древности и средневековья, оставивших выдающийся след в мировой истории.

Процессы образования национальных государств в Новое время не только не устраняли имперскую организацию как таковую, как утверждает многими либеральными государствоведами, но и в значительной степени опирались на нее [14]. Во-первых, многие современные нации сами вызревали в ядре империй, опирались на них, одновременно подавляя периферийные проекты национального строительства (Испания, бывшая империей до середины XIX в.; Франция; Великобритания, до сих пор сохраняющая элементы имперской организации; Канада). Во-вторых, часть национальных государств появились не только в результате борьбы с империями, в состав которых они входили, но и использовали в этой борьбе имперские державы, находящиеся с ними в конфронтации (Болгария, Венгрия, Греция, Румыния, Чехословакия, Польша). В-третьих, имперские формы организации и взаимоотношения со своими партнерами, союзниками и сателлитами использовали на протяжении XX в. США, СССР, национал-социалистическая Германия и фашистская Италия. При этом, в отличие от германского Третьего рейха, Советский Союз не называл себя империей, но, как отмечается в политологической литературе, являлся «са-

мым выразительным примером гигантской континентальной империи», интегрирующей «различные континентальные территории, евразийские этносы и культуры» [7, с. 613; 10, с. 186–187]. Отсюда вытекает, что можно не называться империей, но быть таковой по факту, в соответствии с имеющимися в наличии государственно-правовыми признаками, и наоборот. Впрочем, это относится к любым государственным формам – монархиям, республикам, унитарным государствам и федерациям.

Что касается США, то они с самого момента образования идентифицировали себя не только как республика и федерация, но и как империя. Уже один из отцов-основателей США А. Гамильтон пишет в эссе о Соединенных Штатах как «во многих отношениях самой интересной в мире империи» [23, с. 29]. А чуть позднее первый президент США Дж. Вашингтон говорит о них как о «восходящей империи» (цит. по: [27, с. 201]). С момента создания имперский принцип не противопоставлялся в США «бессмысленно и твердолобо» ни демократическому, ни республиканскому, ни федеративному, ни государственно-национальному началу, а напротив, прагматично связывался с ними поисками взаимосогласуемой рациональности [8, с. 239]. После победы в «холодной войне» и распада СССР США еще в большей степени демонстрируют идеологическое мышление и политическое поведение в духе классической империи. Они проводят гегемонистскую, принуждающую политику с использованием вооруженных сил на всех материках и океанах, контролируют космическое пространство, предъявляют себя в международных отношениях как лидера и оплот мирового порядка, гарант сохранения демократии и соблюдения прав человека во всех странах, и как на подчиненные себе смотрят на международные организации, чьи штаб-квартиры в подавляющем большинстве находятся на территории США.

Таким образом, империя представляет собой одну из наиболее древних и наиболее устойчивых форм государственной организации, идеи и традиции которой не умерли и в XXI веке. Наряду с глобализацией экономических и культурных обменов, глобальным рынком и глобальным кругооборотом произ-

водства возникает и новый глобальный порядок, для понимания которого лучше всего подходит понятие империи [26].

О возрождении имперских традиций в новых условиях свидетельствуют тенденции развития государственно-территориального устройства в современном мире, связанные с попытками создания однополярного мира на основе экономического, финансового, информационного, военного и геостратегического господства США, проекты образования мирового государства и мирового правительства [29, с. 11–12], а также глобального правления без создания такого правительства на основе деятельности сетевых структур [2]. В указанном направлении движется в последние десятилетия и развитие Европейского союза. В его нынешнем устройстве просматриваются черты формирующейся империи [1, с. 671], которая имеет своим истоком древние традиции Западной Римской Империи и Священной Римской Империи германской нации. В связи с этим многие аспекты «европейской идеи» и сами процессы «объединения Европы» рассматриваются в качестве «ностальгии по империи», а массовый отказ национальных государств в процессе европейской интеграции от многих важнейших атрибутов суверенности квалифицируется как «имперский ренессанс» [10, с. 206].

Но в то время как национальные государства сползают к уровню обладания второстепенным статусом, политическая карта мира указывает на государства континентального типа, «стержневые государства», способные объединить под своей эгидой крупные географические регионы, то есть создать новые имперские образования [11, с. 734–735; 25, с. 238]. К государствам такого типа уже в настоящее время относят Китай, военно-политическая тень которого падает если не на всю Азию, то, по крайней мере, на ее юго-восточную часть [6, с. 239–254; 21, с. 312, 371–375]. В качестве кандидатов на эту роль называют Индию, Японию, Россию, Бразилию, Германию, определяя их как «дремлющие», «скрытые», «раскрывающиеся» либо «обороняющиеся» империи [1, с. 671–672; 22, с. 321–325; 25, с. 238–280]. Таким образом, приходится констатировать, что на протяжении всей мировой истории империя и имперскость яв-

ляются формой существования и качественной характеристики политики «великих» держав, они никуда не уходили и не уходят из мировой политики и истории жизни народов и наций, а лишь меняют свои роли, формы, а иногда и акторов.

К сожалению, проблематика имперской государственности не находит необходимого освещения в юридической литературе. Имперский универсализм по-прежнему считается опасной принадлежностью прошлого, а империя рассматривается как форма государственности домодерного мира, на смену которому окончательно и бесповоротно пришло национальное государство. Между тем тенденции развития мировой политической системы свидетельствуют об обратном. В условиях глобализирующегося мира происходит реновация имперской государственности, реставрация идеи империи и имперского суверенитета. Отсюда – весьма актуальными для теории государства становятся разработка понятия и выявление политико-правовых признаков империи.

Империя – настолько сложное и многоаспектное явление, что дать ей достаточно полное определение, включающее в себя все ее сущностные характеристики, представляется вряд ли возможным. Во всяком случае, такой попытке, на наш взгляд, должно предшествовать выявление ее государственно-правовых признаков.

Во-первых, империя есть государство во всех смыслах этого слова, имеющее много общего с другими формами государства. Она обладает всеми его элементами и признаками. В своем внешнем аспекте империя имеет свою территорию, над которой осуществляет суверенитет, что дает возможность отграничить сферу ее властвования от сферы власти других государств и противостоять им. Соответственно, над ней не существует и не может стоять иное охватывающее ее более высокое политическое целое. Во внутреннем отношении она обладает собственной верховной властью, государственным аппаратом, правовой системой, казной, сложной территориальной структурой.

Почему мы заостряем внимание на этом, казалось бы, очевидном факте? Проблема носит здесь двухсторонний характер. С одной

стороны, в целом ряде либеральных концепций государства под ним понимается лишь та разновидность политической организации общества, которая сложилась на пороге Нового времени и несколько позже в Северной Америке и переживает сейчас серьезный кризис [13]. С другой стороны, ряд исследователей-политологов, социологов, философов – в силу специфичности характера признаков и качеств империи, отличающих ее от государства-нации – считают ее чем-то большим, чем государство [10, с. 61–70; 24], понимая, по-видимому, в данном случае под государством ту же самую политическую организацию европейского Нового времени. Сторонники такого взгляда оперируют аргументами не правового или даже политического, а скорее социологического и культурологического характера. При этом с их стороны не поступает никаких предложений по поводу того, в каком понятийном ряду они видят категорию «империя», отказывая ей в государственном статусе. Поэтому так важно подчеркнуть, что империя представляет собой одну из разновидностей государства, наряду с полисом, национальным государством и другими государственными формами. Она, хотя и обладает существенными особенностями по сравнению с ними, является весьма специфической, но совсем не уникальной формой государства. Идея империи тесно связана с идеей государства вообще, выраженной в его целях, заключающихся в создании такого политико-правового единства и его внутренней упорядоченности, которые бы гарантировали свободное и независимое существование государствообразующего народа среди других наций и народов и создавали условия для обретения внешней мощи, культурного и политического роста.

Во-вторых, в отличие от других государств, которые являются формой существования отдельных наций и народов или родственных по происхождению и крови этнических групп, империя часто выступает как *государственно-территориальная форма локальной цивилизации*, представляющей собой исторический организм или исторически-культурный тип, то есть такую общность наций и народов, которая занимает определенный географический ареал, «часть света»,

имеет общую историю, традиции, организацию быта, менталитет, социально-нравственные ценности и установки, образ жизни и, тем самым, принадлежит к единой исторически сложившейся культуре и в ней существует.

Здесь, разумеется, необходимо иметь в виду, что не всякая цивилизация достигает политической формы империи, и практическое сопоставление количества формально-имперских государств с численностью существовавших и существующих цивилизаций не совпадает. Однако лишь в империи государство может дорасти до целой цивилизации, до целостного универсального политически и культурно автаркийного мира, позволяющего преодолеть крайность как государственно-правового нивелирования национальных организмов с их самобытностью и неповторимостью, так и обособления и самоизоляции наций в своих этнических стандартах и границах [1, с. 116–120; 18, с. 389]. Империя выступает как универсальное, вселенское государство, преследующее цели мирового господства или лидерства и обладающее некой культурной цивилизаторской миссией (введение обычаев мира, политических, правовых, культурных, бытовых и иных стандартов и т. д.), придающих имперской власти дополнительную легитимность и оправдывающих ее существование. Объединение различных народов в рамках единой культурной парадигмы делает империю универсальным государством и позволяет ей дорасти до целостной цивилизации.

В-третьих, империя – это всегда государство с большой территорией. Пространственная величина – неотъемлемый элемент идеи и практической организации империи. «Маленькая империя есть терминологическое противоречие» [10, с. 29]. «Единый этос империи означает ее безбрежность» [12, с. 125] – у нее всегда есть собственная территория, но далеко не всегда присутствуют легитимные границы. Мифологический концепт империи представляет ее как сакральную всемирную державу. Поэтому любая империя утверждает либо пытается утвердить систему пространственной всеобщности – свое верховенство над всем окружающим (цивилизованным) миром или большим географическим регионом. Отсюда – территориальное простран-

ство империи представляется всегда динамичным, а границы – подвижными. Большие пространства преодолеваются посредством военной силы, духовно-нравственного (морального или религиозного) и культурного превосходства, а также политического мастерства. Поэтому сердцевину имперского мифа и имперской идеологии составляет «цивилизационная ойкуменическая идея глобального государства, что априори предполагает победу организованного космоса над хаосом и соединение (присоединение) различных разделенных частей мирового пространства» [9, с. 16]. Естественно, что это пространство оказывается весьма многообразным по своим этническим, религиозным, хозяйственным и тому подобным характеристикам, в силу чего основной целью и назначением империи является упорядочение и приведение к единству этого пестрого и хаотичного многообразия, сохраняя при этом определенное своеобразие и самобытность составляющих ее частей.

В-четвертых, само территориальное пространство империи является анизотопным [24, с. 105], то есть неодинаковым, неоднородным как по своим этно-культурным и социально-экономическим свойствам, так и по политико-правовым качествам и статусным характеристикам входящих в него территориальных частей. *Империя* – не просто большое по своим пространственным параметрам государство, а такое, территория которого *включает в себя разноразличные региональные образования, находящиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от имперской верховной власти с сохранением в некоторых случаях их политической автономии и даже собственной государственности.*

Органичное сочетание имперского универсализма в рамках сложившейся цивилизационной константы с определенной этнокультурной самостоятельностью территориальных частей империи делает не только возможным, но и необходимым формирование внутри нее вертикально-горизонтальных и диагональных связей политико-административного характера, когда разные периферийные образования обладают по отношению к центральной власти различными правовыми статусами.

Поэтому основополагающей чертой территориальной организации империи, отличающей ее от всех других видов государственности, является своеобразное сочетание унитаризма, федерализма, конфедерализма, самоуправления и децентрализации. Здесь также используется форма протектората, где имперскому центру принадлежит военное руководство и представительство в международных делах. Имеются также союзнические территории и зависимые от империи полусуверенные государственные образования с собственными правительственными органами. Империя вовсе не строится на исключительно унитарном принципе, как это иногда представляется. Однако основным направлением эволюции имперской государственности является стойкая тенденция к централизованному унитаризму посредством использования различных промежуточных политико-правовых форм для целого ряда или отдельных территориальных подразделений, входящих в ее состав или находящихся в орбите ее влияния, – членов союзов и содружеств, государственных образований, автономий, муниципий и т. д. При этом данная тенденция никогда не достигает своего логического завершения, оставаясь лишь парадигмальным направлением развития империи. Попытки радикальной унитаризации и централизации политико-правового пространства «подтачивают» имперскую организацию и, в конечном счете, разрушают ее, что видно на примере многих империй.

В-пятых, суверенный центр империи, воплощенный в имперских политических институтах, территориально и этносоциально образует автономную единицу со своим особым статусом, обладающую гегемонией или доминирующую в ней при реализации имперской власти и управления.

Империя всегда формируется вокруг стержневого (государствообразующего, имперского) этноса (группы родственных этносов), с которым связано воспроизводство, продолжительность жизни и распад империи, начинающийся с обскурации имперообразующей нации. Топос, место обитания или концентрации элиты, правящего этноса (нации), становится не только суверенным центром, местом нахождения верховной власти империи, но и культурным центром, средоточием и сердце-

виной всей цивилизации, Мировым градом (Рим, Константинополь, Москва). Либо такой центр замещается нацией-государством, которая концептуализируется в правовом аспекте как метрополия по отношению к колониальной периферии (Карфаген, Испания, Англия). Тем самым, налицо присутствие этнополитической иерархии. Политико-правовые связи выстраиваются от правящего доминирующего этноса к «базовым союзникам» и далее – ко все менее полноправным в политическом отношении этносам (очень часто при сохранении формального юридического равенства). При этом на более поздних этапах существования правящий класс империи представляет, как правило, уже не чисто этническую группу, а определенную совокупность граждан, имеющих равные права (статус). Например, сословие сенаторов в Римской и Византийской империях, дворянство в России и европейских империях, янычары в Турции, номенклатура в СССР, финансовая олигархия в США и т. д. Происходит это потому, что в процессе становления империи за определяющий, доминирующий образец поведения в ней всегда берутся цивилизационно-культурные характеристики государствообразующего народа, наиболее развитого в культурном, хозяйственном, военно-техническом и иных отношениях. Именно его этнокультурные признаки (язык, религия, обычаи, традиции, нравы, право и др.) становятся господствующими, определяют стереотипы поведения в обществе и, в конечном счете, обуславливают структуру общественных отношений, экономический уклад и организацию власти и управления в государстве. Другие этносы имеют право и возможность сохранения своей культурной идентичности, однако повышение их роли и статуса в империи, их настоящее развитие в ее цивилизационной парадигме возможно лишь на основе принятия основных культурных компонентов государствообразующей, стержневой нации. С другой стороны, эффективное имперское руководство возможно только при более или менее добровольном соучастии в осуществлении власти и управления региональных элит, что предполагает их регулярную кооптацию в центральную элиту. Одновременно последняя образует собственные «плацдармы» в периферийных нациях

внутри их традиционных элит. Таким образом, имперская аристократия формируется из представителей всех наций и народностей, входящих в империю, что существенным образом влияет на устойчивость имперских государств, дает им огромные социальные ресурсы для сопротивления политическим катаклизмам и регенерации при территориальных и демографических потерях.

В-шестых, империя всегда есть государство идеократическое (или даже теократическое), имеющее свою систему базовых ценностей, убеждений, свою «идею-правительницу» [20], религиозную или этическую. И эта главная, доминирующая черта во многом определяет остальные особенности и характерные признаки имперской государственной организации. Так, например, основная идея и цель существования Византийской империи заключалась в том, чтобы нести Христову веру по всему миру, укреплять православную Церковь и жить по Христовым заповедям, приуготовляя народ империи к вечной жизни в Царствии Божьем [5, с. 5–6]. Для СССР – это построение коммунистического общества как некоего прообраза рая на земле для всех трудящихся, для США – построение либерально-демократического рая если не на всем земном шаре, то для «золотого миллиарда», обитающего в пределах наиболее экономически развитых стран современного мира. Отсюда следует, что роль и назначение верховной власти империи, ее функции и полномочия, а также правовая система могут быть адекватно поняты и описаны лишь в традиционном и неотделимом от господствующей религии или идеологии понимании.

Достаточно часто в работах, посвященных империям, в качестве их необходимого признака называется унифицированное право или единая на всей территории система законодательства, обязательная для всех государственных образований, входящих в их состав. Однако на самом деле это не совсем точно. Одной из основ правовых систем большинства империй являются различного рода договоры и соглашения, определяющие статус целого ряда территорий, входящих в их состав или находящихся в зоне их политического влияния. Уже одно это предполагает отсутствие строго унифицированного имперского права в

вопросах статуса отдельных регионов, прав и обязанностей их жителей. Так, в римском праве периода поздней республики и первых веков империи действует система норм, применяемых только к римским гражданам (*cives Romani*), и право, предназначенное для лиц, не являющихся римскими гражданами, регулирующее их отношения между собой, а также между ними и римлянами (общенародное право – *jus gentium*). На территории весьма централизованной в политико-административном отношении Российской империи, кроме общегосударственного законодательства, действовало немецкое балтийское право, особое законодательство для Польши, мусульманское право в Средней Азии и некоторых других регионах. Аналогичную картину можно наблюдать и в других империях. Определенная, необходимая, насколько это возможно степень правовой унификации или попытки достичь таковой имеют место в целом ряде империй. Но основная легитимация имперского суверенитета, верховной власти империи осуществляется не правом и носит не рациональный характер. Империя формирует свой сакральный мир – религиозный или секуляризованный, но всегда, даже в этом случае, заимствующий и воспринимающий у религии ее духовную ауру и внедряющий ее в господствующую идеологию. Поэтому «практическая реализация имперской идеи никогда не совпадает с ее правовым обоснованием, факт и норма всегда существуют в разных плоскостях бытия» [9, с. 26–27], а основным (первичным) регулятором общественных отношений являются в империи культурные принципы и нормы идеократического характера, задаваемые господствующей идеологией, причем очень часто это происходит несмотря на наличие технически совершенной системы формального позитивного права, как это было в Римской и Византийской империях или существует в современных США, где законодательство и правовая система в целом покоятся на протестантских религиозных принципах и вытекающей из них доктрине либерализма [16, с. 8; 27]. Не случайно юридическую структуру имперского объединения представляли достаточно часто весьма различным образом, «но его квинтэссенцию при этом искали на уровне, не совпадающем с правовым» [9, с. 22].

Кроме того, необходимо иметь в виду, что, помимо официально господствующей идеологии (религиозной, либеральной, коммунистической или национал-социалистической), империя в процессе своего формирования и развития порождает собственную идею, которая легитимирует имперскую верховную власть и имперский порядок сама по себе. Эта идея складывается во время становления Римской империи как концепция «вечного Рима», всемирной великой державы, провиденциально предназначенной нести «мир и порядок», справедливость и законность всем странам и народам. С принятием христианства Римская, а позднее и Византийская империи начинают представляться неким метафизическим царством, обозначенным образом и символикой Рима. И в эту сакральную империю включаются и христианство, и сам Христос, вследствие чего она ассоциируется с земным Раем [28], прообразом Царствия Небесного на земле.

Исходя из этого, становится ясным, почему, когда в Новое время в результате секуляризации и утраты религиозных ценностей материально-пространственный, геополитический аспект имперской организации становится преобладающим, а сама империя утрачивает образ Небесного града, идея империи не умирает и продолжает рассматриваться большинством ее граждан как цель исторического процесса, панацея от бед смутного времени, идеальный миропорядок, изначальным предназначением которого является всеобщее согласие и справедливость.

Империя становится возможной и существует до тех пор, пока подавляющее большинство ее граждан обладают определенным мировоззренческим единством, общей духовностью, что, в конечном итоге, и позволяет достичь политической интеграции разнородных во многих отношениях территорий. Именно отсюда проистекает многообразие и разнообразие статусов различных периферийных частей империи, существенная децентрализация в управлении, а также особые формы и методы осуществления имперской верховной власти.

В-седьмых, это особенности имперского суверенитета, находящие свое проявление в способах организации и легити-

зации верховной власти, а также распределении суверенных полномочий между верховной властью и периферийными образованиями.

Характерной чертой имперского суверенитета является то, что он практически всегда формируется и реализуется в рамках культурно доминирующей национальной духовной и политико-правовой традиции, чьи основополагающие мировоззренческие установки воспринимаются практически всеми нациями и народами, вошедшими в империю. Это придает ее верховной власти сакральный характер даже в секуляризованном, светском обществе. Поэтому в основании всякой имперской организации, во всяком случае, в эпоху ее расцвета, находится принцип безусловного духовно-идеологического авторитета и легитимности верховной власти империи, что позволяет ей править с минимально необходимой степенью принуждения. Родовым признаком империи становится господство не прямых форм и методов осуществления верховной власти по отношению к значительной части периферии. Центральная власть в империи всегда осуществляет непосредственное управление какой-то достаточно обширной частью территории, национальным ядром имперской организации и некоторыми другими региональными подразделениями. В отношении остальных территорий имперский центр осуществляет достаточно жесткий внешнеполитический, военный и финансовый контроль, определяет общее направление культурно-воспитательной политики, но вполне позволяет существовать двум значимым элементам их статуса, делающих правление ими непрямым: 1) сохранение их государственного или автономного положения в границах империи; 2) признание их формальной независимости и сложившегося здесь образа правления (организации власти и управления). В таких регионах реализация имперской власти происходит посредством автохтонных структур, которые пользуются значительной автономией в решении дел внутреннего характера взамен выполнения ее воли в вопросах общеимперского значения.

При этом суверенный контроль верховной власти империи в международных делах и военно-политической сфере, финансо-

вой и культурной политике (общая идеология и контроль над символами; единообразная система образования; унифицированная во многих отраслях система права; единый общегосударственный язык) совсем не обязательно предполагает формальное включение подконтрольных территорий в состав империи на правах субъекта федерации, автономии, колонии, протектората и т. д. Социалистические страны «народной демократии» не входили в состав СССР, но частью «империи Кремля» они, безусловно, являлись. То же самое можно сказать о многих союзниках США по блоку НАТО или о римских федератах эпохи республики или империи. Суверенные прерогативы имперского центра в области внешней политики и идеологии позволяют ему оказывать существенное влияние и фактически определять внутреннюю политику своих «союзников» непрямыми методами при помощи установления и направления вполне определенной программы действий. Случаи, когда империи «вынуждены прибегать к прямой военной интервенции для удержания своего контроля, были не столько апофеозами их мощи, сколько провалами их обычной политики непрямого контроля» [14, с. 9].

Таким образом, реализация имперского суверенитета с необходимостью предполагает достаточно жесткие отношения *иерархической субординации* между верховной властью и периферийными частями империи *при решении вопросов всеимперского значения и достаточно мягкую координацию при решении всех остальных или многих иных вопросов* государственного характера. Но в любом случае, координация, проводимая имперским центром, носит вертикальный, императивный характер. Она выступает скорее формой, в которой происходит принятие решений, чем реальным методом определения их конкретного содержания. В этом проявляется *основной политико-правовой признак империи – единство политического пространства и единство имперского суверенитета по отношению к внешнему миру* как исключительной сферы деятельности имперского центра. Что касается многообразия статусов территорий, входящих в состав империи или находящихся в зоне ее влияния, как

и степени их правовой и фактической самостоятельности, то они могут быть тем шире, чем более духовным (идейным, культурным, интеллектуальным, моральным) и, в некотором роде, трансцендентным характером обладает объединяющий их суверенный имперский центр, чем могущественнее его уравновешивающая сила, глубинное влияние. По своей природе такая верховная власть есть самодержавие, которое понимается как «опыт постоянной самоорганизации и удерживания себя в центре мировых событий» [17, с. 77], что является программой-минимум для любой империи.

Весьма актуальным является вопрос о том, к какому виду государственной формы принадлежит империя. Как считает И.А. Исачев, ее категория «не может быть найдена ни в разделе о формах государственного правления, ни в перечне форм государственного устройства. Не совпадая полностью ни с одной из этих категорий, империя как идеальный тип властвования, вместе с тем, частично присутствует в каждой из них: демонстрируя свойственную ей централизацию власти, она может напоминать диктатуру или монархию, в плане же территориального устройства и управления – федерацию или унитарную государственность» [9, с. 22].

Соглашаясь в целом с выводом ученого о своеобразии имперской формы государственности и невозможности вместить ее целиком в устоявшиеся классификации политико-правовых форм, следует все-таки заметить, что, несмотря на условность любой классификации, империя по всем своим характеристикам ближе всего стоит к формам государственного устройства. Даже особенности организации верховной власти империи и способы ее осуществления зачастую связаны именно с особенностями ее территориального строения, характером отношений между центральной имперской властью и периферийными разностатусными образованиями. Не вызывает сомнения, что только для имперского государственного устройства характерно уникальное сочетание элементов унитаризма, федерализма, конфедерализма, иногда развитого муниципального строя, не сводимое ни к одному из них.

Таким образом, империя – есть «высшее состояние государства» [18, с. 388], имеющего идеократический характер, выступающего политико-правовой формой локальной цивилизации, сочетающего в своей территориальной организации различные принципы государственного устройства (децентрализацию, автономию, федерализм, конфедерализм) при стойкой тенденции к унитаризму, использующего не прямые способы контроля по отношению к входящим в его состав этнополитическим образованиям и основанного на безусловном духовно-идеологическом авторитете верховной имперской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабурин, С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2005. – 769 с.
2. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция : Издат. дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
3. Ванюков, Д. А. Имперские проекты / Д. А. Ванюков, И. И. Кузнецов, Д. В. Самсонов. – М. : Книж. клуб «Книговеж», 2010. – 416 с.
4. Васильев, Л. С. Проблемы генезиса китайского государства / Л. С. Васильев. – М. : Наука, 1983. – 327 с.
5. Величко, А. М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи / А. М. Величко. – М. : Изд-во «Фонд ИВ», 2008. – 248 с.
6. Дергачев, В. А. Глобалистика / В. А. Дергачев. – М. : Юнити-Дана, 2005. – 303 с.
7. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А. Г. Дугин. – М. : АРКТО ГЕЯ-ЦЕНТР, 1999. – 928 с.
8. Ильин, М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. – М. : РОССПЭН, 1997. – 432 с.
9. Исаев, И. А. Топос и номос: пространства правопорядков / И. А. Исаев. – М. : Норма, 2007. – 416 с.
10. Каспэ, С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М. : РОССПЭН, 2001. – 256 с.
11. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М. : Ладомир, 1997. – 849 с.
12. Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А. Н. Кольев. – М. : Логос, 2005. – 800 с.
13. Кревельд, М. ван. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
14. Миллер, А. И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука: Современные империи : сб. науч. тр. / ред. и сост. А. И. Миллер. – М. : ИНИОН РАН, 2004. – С. 4–11.
15. Омельченко, О. А. Всеобщая история государства и права : учеб. В 2 т. Т. 1 / О. А. Омельченко. – М. : ТОН-ПРИОР, 1999. – 528 с.
16. Панарин, А. С. Россия в циклах мировой истории / А. С. Панарин. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 275 с.
17. Савельева, М. Ю. Монархия как форма самоопределения личности. Российский опыт становления феномена «сакральное» / М. Ю. Савельева. – Киев : Издатель ПАРАПАН, 2007. – 412 с.
18. Смолин, М. Б. Тайны русской империи / М. Б. Смолин. – М. : Вече, 2003. – 432 с.
19. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
20. Трубецкой, Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М. : Издат. группа «Прогресс», 1995. – С. 438–443.
21. Уткин, А. И. Американская империя / А. И. Уткин. – М. : Эксмо, 2005. – 736 с.
22. Уткин, А. И. Мировой порядок XXI в. / А. И. Уткин. – М. : Алгоритм, 2001. – 480 с.
23. Федералист : политические эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона и Дж. Джея. – М. : Прогресс, 1993. – 568 с.
24. Филиппов, А. Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическое понятие и политическая проблема) / А. Ф. Филиппов // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1, № 1. – С. 89–120.
25. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 576 с.
26. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.
27. Шлезингер, А. (мл.). Циклы американской истории / А. Шлезингер (мл.). – М. : Прогресс, 1992. – 688 с.
28. Эвола, Ю. Мистерии Грааля / Ю. Эвола. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.arctogaia.com/public/evol-graal.htm>. – Загл. с экрана.
29. Явич, Л. С. О философии права на XXI в. / Л. С. Явич // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 4–33.

EMPIRE AS A FORM OF STATE: DEFINITION AND CHARACTERISTICS

N.I. Grachev

The article explains the urgency of the problems of empire in context of the world trends associated with globalization processes. The author makes an attempt to reveal the contents of fundamental state-legal principles of empire as a special form of the state and to give its definition.

Key words: *empire, state, sovereignty, local civilization, culture, territory, supreme power, ethnicity, nation, authority.*